

«С днем рождения, Итачи...», - мурлыкнул Кисаме, присев на корточки перед Учихой, чтобы обхватить его руками и стиснуть в объятьях.

Итачи сопротивлялся желанию разразиться лёгким смехом, - «Как будто двадцать пять - это что-то, что можно праздновать...», - сказал он.

«Как бы тебе не было весело, тебе нужно прекратить пить пунш. И если ты опять начнёшь жаловаться, что становишься старым, Тачи, я свалюсь в кризис среднего возраста».

«Незрелые идиоты ... Все здесь моего возраста или старше, а многие всё ещё страдают той же чернёй ...», - пробормотал Итачи, отталкивая Кисаме, пытаясь встать самостоятельно, но покачиваясь на месте, - «Но это такой классный напиток. Что это такое? Я должен выяснить, кто это сделал, и спросить. Кокосовый орех? Я чувствую вкус кокоса...»

Плавным движением Хошигаки забрал у Итачи стакан и поставил на стол, - «Вероятно, я могу решить эту загадку, детка, с помощью одного простого вопроса. Кто самый нелепый, незрелый человек, которого ты знаешь, который сейчас находится в этом здании?»

Итачи опасно сузил глаза, - «Дейдара».

Кисаме фыркнул, - «Он даже не в твоём выпускном классе, Тачи. Ты же сам говорил, что его здесь не будет. Я имел ввиду Хидана, вообще-то»

«Ну и хорошо, чёрт возьми, что его здесь нет!», - громко заявил Итачи, когда Кисаме повел его к трибунам и заставил его сесть, - «А то я бы сказал ему пару ласковых. Хид всё ещё хочет сломать ему шею!»

«Ты уверен, что не хочешь идти домой?», - спросил Кисаме нежно, но с тревогой.

«Точно нет!», - резко ответил Итачи, взмахивая рукой и ударяясь ею о грудь Кисаме.

Разрываясь между желанием смеяться и волнением, Кисаме ухмыльнулся и вздохнул. Итачи заметил это и попытался взять себя в руки, сделав несколько глубоких вдохов и покашливая, - «Извини. В любом случае, я не пойду домой, пока не увижу Яхико и Нагато, а Хидан должен спеть что-то, так что это я тоже обязан увидеть. Он клянётся, что доктор Хоку обещал зайти, так что я это не пропущу, чёрт побери».

Казалось, он задумался о чем-то, а затем снова рассмеялся, - «Хид что-то замышляет, он так рвался сюда. Ты видел его хитрую морду, когда он вылез из машины?»

«Да, а ещё я видел большую бутылку кокосового рома, которую он прятал в пиджаке...», - пробормотал Хошигаки, вздыхая и осматривая зал. Он помнил братьев с дня рождения Хидана, они, конечно, казались такими, как Хидан и Итачи, та же смесь озорства и острого интеллекта.

Они с Итачи пробыли здесь почти час, Итачи выпивал и предавался воспоминаниям, задевая всех вокруг своим тонким хвастовством и ехидными ухмылками. Кисаме водили по кругу в промежутках между все более многочисленными походами к столу с пуншем и выставляли напоказ, как какого-нибудь призового, прихорошенного и избалованного любимца Итачи. Только на мгновение это начало беспокоить его, медленные взгляды, которые эти незнакомцы бросали на него, когда он следовал за Учихой, а затем алкоголь подействовал, и вскоре Итачи цеплялся за него, чтобы не упасть, отказавшись от своего стремления хвастаться, как прекрасна его жизнь.

Сначала это было неинтересно, но теперь этот человек приближался к тому переломному моменту, который превращает уважаемых, интеллигентных людей в пьяных сумасшедших идиотов. И теперь работа Кисаме состояла в том, чтобы заботиться о нём и удерживать от неадекватных действий. Если не ради Итачи, то ради себя. Было два типа похмелья Итачи: очаровательный, ранимый, несчастный, но милый Итачи и бушующий зверь из самых глубоких недр ада, желающий уничтожить всё и вся, что попало в его поле зрения. Кисаме никогда не был азартным игроком, так что лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Но контроля над Хиданом и Какузу у него, конечно, не было. Но он мог, по крайней мере, попытаться найти этих двух братьев, они наверняка уже были здесь. Он смутно помнил, как они упоминали на той вечеринке, что у них есть собственный частный самолет ...

«Я не знаю, почему ты продолжаешь обвинять в этом Хидана, Кисаме. Он действительно повзрослел, учится в онлайн-колледже и, наконец, даже бросил курить. Я не думаю, что он сделает что-то слишком импульсивное ...»

«Итачи...», - сказал Кисаме, стараясь не смеяться, - «Ты помнишь, что он сказал тебе перед тем, как выскочить из машины?»

«Что он заставит Какузу перестать быть таким ослом?»

«Ну да, полагаю, это тоже имеет отношение к делу. А еще он сказал тебе: "тебе пора переходить на минералку, блядь, ты же такой мелкий"», - процитировал Кисаме.

«Хн...», - Итачи сконцентрировался, - «Боже мой ... Он так и сказал, да?»

Хошигаки не мог удержаться от смеха, - «Не слишком переживай из-за этого. У этих встреч есть способ заставить людей превратиться в подростков. Если б ты меня видел. Через три часа половина моих одноклассников решила устроить палаточный лагерь на футбольном поле. Взрослые мужчины и женщины!»

«А это мысль ...», - сказал Итачи, на мгновение уходя в глубокие размышления, но поднял взгляд на Кисаме и засмеялся, - «Шучу, Киса», - он поднялся на ноги, отряхиваясь, как будто одна мысль заставила его испачкаться, - «Я похож на того, кто устроил бы кемпинг? Я тебя умоляю ...»

Учиха вдруг крикнул что-то нечленораздельное и ломанулся вперёд. Кисаме только успел заметить копну ярких рыжих волос в толпе.

,

«Так вы двое уже связали себя узами брака?», - Яхико засмеялся, игриво толкнув Итачи, и делая глоток ягодного пунша.

«Конечно, нет. Здесь это ещё не узаконено. В любом случае, это не имеет значения, это просто лист бумаги, и ты представляешь вообще, какой шум поднимется?», - Учиха ответил, сжимая предплечье Кисаме, - «Понадобился почти год, чтобы невежественные люди этого города наконец перестали смотреть на нас, как на пришельцев с другой планеты».

«Как грубо с их стороны», - сказала жена Нагато с улыбкой. Конан, как узнал Кисаме, на самом деле была очень умной и сдержанной женщиной, несмотря на синие волосы и пирсинг в губе, - «Я восхищаюсь вашей смелостью и решимостью оставаться в таком маленьком городе».

«Ну, в крупных городах тоже не всегда ситуация лучше», - небрежно сказала жена Яхико, - «Там постоянно какой-то шум. Гей-браки, загрязнение окружающей среды, политика, скандалы среди знаменитостей ... Это никогда не заканчивается».

«Нужно просто научиться не обращать на это внимание», - согласилась Конан, делая глоток, - «Боже, о нас писали в газетах, когда прошёл слух, что мы собираемся провести небольшой отпуск в этом маленьком городе. Сколько бредовой ерунды говорили люди об этом, вы даже не представляете...»

«Представляю...», - ответил Итачи, - «Я бы не смог быть на вашем месте. На вас сосредоточено столько внимания...»

«Вот потому мы и здесь», - Яхико сказал, смеясь.

Обе дамы почувствовали себя немного навеселе и решили пойти посидеть. Компания Итачи, Кисаме и близнецов отправилась по залу, обмениваясь короткими разговорами с другими людьми.

Как только он убедился, что Итачи снова может держать себя в руках и не собирается больше пить пунш, Кисаме тоже укользнул из группы, сначала чтобы воспользоваться туалетом, а затем просто постоять у стены рядом с распахнутыми дверями, украшенными воздушными шарами и серпантинами в школьных цветах, чтобы просто понаблюдать за людьми.

Он задумался ненадолго над тем, что происходило с ним и вокруг него. Он был оптимистом, в этом он уверен, всё воспринималось им со светлых сторон. Конечно, случалось много паршивых ситуаций в жизни, неприятных разговоров, глупостей и нелепостей, но какого чёрта было задумываться о них? Он забывал плохое очень быстро.

Он внезапно оторвался от своих мыслей, когда раздался визг микрофона, и он четко знал, что громкий пронзительный свист принадлежал Итачи (он сам научил его так свистеть). На сцену поднялся Хидан, гитара висела у него на спине на ремне, розовые глаза внимательно всматривались в лица. На мгновение это выглядело почти так, как будто он был в бешенстве, затем вспыхнула робкая ухмылка, когда он заметил кого-то, вероятно, Итачи.

И снова на сцене ... рассмеялся Кисаме про себя. Он действительно любил внимание, а?

Какузу и Хидан, О боже, если его жизнь была смешной для него, то их жизнь была истеричной. Этот пацан, ну, Кисаме не находил слов, чтобы точно описать его. Хотя, по правде говоря, называть его "пацаном" было уже не так разумно. Но Хидан просто не мог быть для него кем-то другим, он воспринимал его как племянника. Несмотря на его, порой, рассеянное поведение, он действительно вырос, если можно так выразиться. Он по-прежнему ругался, как сапожник, был таким же пренебрежительным и несносным, как и в первую их встречу. И все же он стал совершенно другим человеком.

Конечно, он не знал подробностей, Итачи был сосредоточен на том, чтобы убедить его, что он изменился. Но на самом деле люди не меняются, во всяком случае, не меняют своей сути.

В зале зазвучала бодрая музыка, и голос Хидана перекрывал болтовню тех, кто был слишком поглощен разговором.

«Люби меня злобно ...», - пел Хидан, и снова Кисаме засмеялся, даже не зная почему.

«Будто погружая рану в солёное море. «Высокое обслуживание» - означает, твою ненасытность, ты королева, ты самовлюбленна и скупа».

Через три года он всё ещё оставался таким же пацаном, но в каких-то аспектах жизни он всё же вёл себя, как взрослый человек. Насколько он понимал, теперь ему предстояло стать не просто администратором в клинике Какузу, но и его заместителем. Он должен был работать с этим человеком, помогать ему, играть на гитаре, писать музыку, проживать практически две отдельные жизни. Он был лучшим другом Итачи, мятежным и беззаботным. И в то же время, ему хватало ума до сих пор хранить секрет своих отношений. Но до сих пор, он всё тот же непредсказуемый и сумасшедший, как и раньше.

«Убей меня романтично, наполнив мою душу рвотой, а потом попроси у меня жвачки!»

Нет, подробностей он не знал. Он не знал, как у них дела, но знал без обиняков, что Какузу,

всё ещё его лучший друг, если не считать Итачи, кажется, все еще предан их отношениям. Каждый раз, когда они встречались, он слышал "Хидан сделал это, Хидан сделал то" - и бла бла бла. Жаловался и ворчал, и так каждый раз, но Кисаме закатывал глаза, потому что взгляд доктора, всегда жесткий, расчетливый и пронзительный, всё равно его выдавал.

«Горький и упрямый! Но ты моя булочка. Ты ужасный ... Я люблю тебя!»

Когда они были вместе - ссорились и дрались, оскорбление за оскорблением. Рычание, лай, крики и даже еле сдерживаемое насилие, как два диких зверя, дерущихся из-за чего-то, что понимают только они, но не хотят сдаваться. Но даже в такие моменты они смотрели только друг на друга, свирепо и с ненавистью глядя на всех остальных, между собой общаясь какими-то абсолютно непонятными способами, и даже Итачи Учиха, магистр человеческой психологии, не мог подобрать этому название.

«Ооо. ОН медленно идёт сквозь лунный свет, только ОН знает, как удержать меня. И когда ЕГО края смягчаются, ОН станет моей могилой!»

В какую же запутанную игру они играли, намеренно и в то же время естественно. Для всех остальных они ненавидели друг друга, даже для самих себя. Сражение было настоящим, они оба были злыми, беспокойными, упрямыми людьми. Вот почему это сработало: ни один не отпускал, ни один не сдавался, и это удерживало нить, крепкую и неподатливую. Они питались друг другом, зачем им ещё что-то нужно, когда они бесконечно бросали друг другу вызов?

«Я знаю, что ОН медленно истощает меня. ОН просто стирает меня до костей в постели... Должно быть, на моей голове знак, который гласит: «О, люби меня мертвым!» Люби меня мертвым...»

Это имело смысл. Для них имело смысл быть вместе. Для них имело смысл не быть вместе. Вполне логично, что Какузу будет изображать из себя наставника, направляя эту бедную потерянную душу. Вполне логично, что Хидан и примет, и отвергнет это. – "Я буду и сумасшедшим, и нормальным. Хорошее и плохое. Честным и глупым." Вокруг было достаточно слухов и сплетен, и люди могли бы сформировать свое мнение: "они вместе", "они явно не вместе", потому что независимо от того, что эти двое делали, могло быть и то, и другое, и бесспорно, это имело смысл. Им даже не нужно было притворяться. И в этом безумном смысле это была очень редкая, интересная и красивая ситуация.

«Ты – целитель в телевизоре. Ты – офисный парк без деревьев, корпоративный и холодный, жаждущий прибыли. Оставь меня в покое!»

Глаза Хидана внезапно сфокусировались на нём, смотрящие пристально с каким-то скрытым сообщением, которое выдернуло его из мыслей и заставило почувствовать себя неловко. Но вдруг он улыбнулся, безумно, хитро, и слегка прищурившись, и Кисаме понял, что он смотрит не на него, а прямо перед собой. Он повернулся посмотреть, кого тот сверлит своим взглядом и искренне рассмеялся. Он стоял там с таким взглядом, который, несомненно, убил бы Хидана прямо там, где тот стоял, если бы простой взгляд мог такое сделать.

Итак, Какузу пришёл всё-таки. Но он, казалось, не заметил Кисаме, так что Хошигаки незаметно скрылся из поля зрения, прячась за колонну. Какузу даже глазом не повёл. Он выглядел довольно непринуждённо, в чёрной кофте с капюшоном, джинсах, кроссовках, просто удивительно, сам ли он к этому пришёл, или сказывалось влияние.

Люди обратили внимание на энергичное пение Хидана, и определённо чувствовали, что он поёт кому-то определённому. На альбиноса смотрели все глаза в зале, и многие, более сообразительные, которые заметили его нескромный взгляд и последовали за ним, тоже уставились на Какузу, который выглядел так, словно у него сейчас кровь из глаз пойдёт.

«Ты так страстно высасываешь мои силы. Ты – паразитирующее, психическое, грязное существо, которое насилует моё сердце. Выпив, ты звонишь мне. А станет когда-нибудь весело? Ты отвратителен... и так сексуален!»

Внезапно чья-то рука обвилась вокруг его руки, заставив сердце биться быстрее, хотя внешне ему удавалось сохранить спокойствие. Не глядя, он знал, кто это был, но для безопасности он обернулся и увидел очень обеспокоенного Итачи, уставившегося на Какузу.

Угольно-черные глаза метнулись ему навстречу, и без слов они обменялись взаимным пониманием. Хидан снова делал что-то очень глупое на людях. Такое случалось часто, но сейчас всё было по-другому. Какузу всегда был зол, всегда ворчлив и недружелюбен. Но сейчас он был в такой ярости, что казалось воздух плавился вокруг него.

Другие люди, по-видимому, тоже могли видеть это и, к счастью для Хидана, большинство из них были умеренно пьяны. И если они и понимали, почему он злится, то никак этого не показывали. Словно животные, почуявшие приближение бури, толпа зашевелилась и, казалось, медленно отодвинулась от него. "Казалось" было ключевым словом, Кисаме честно не знал, что происходит вокруг, потому что он был занят наблюдением за Какузу, и пытался понять, что, чёрт возьми, делает Хидан.

Хидан хотел заставить Какузу перестать быть таким упрямым ослом. Что ж, вернее сказать, он решил на самоубийство.

«Кисаме ...», - тихо сказал Итачи, сжимая его руку.

«Кто-нибудь может сказать мне, что, чёрт возьми, происходит?», - спросил Яхико, подходя к ним и спотыкаясь, - «И почему все девушки ломанулись сюда?»

«Он медленно продвигается сквозь лунный свет, только он знает, как удержать меня!»

«Кто это?», - добавил Нагато, внимательно глядя на доктора, делая глоток из очередного стакана пунша, - «Я не помню, чтобы он был учителем...»

«Я чувствую довольно серьёзную враждебность. Чувствую, случится что-то, чего мы видеть не должны, а?»

Итачи переводил взгляд с одного близнеца на другого, что-то очень глубоко обдумывая. Кисаме вздохнул с тревогой и смутным облегчением. Да, насколько всем было известно, они ненавидели друг друга. Может быть, пацан пел ни для Какузу, ни в его честь. Эти двое ничего не знали о связях Хидана с этим человеком, но город знал, что они довольно часто встречаются. И те, кто знал, вероятно, предположили бы, что Хидан только что сделал что-то невероятно глупое, но он собирался сделать что-то ещё глупее...

«И когда его края смягчаются ... Его тело - мой гроб».

Он обернулся и осторожно положил руки на плечи Итачи, - «Пожалуйста, скажи мне, что дежавю, которое я ощущаю, не имеет отношения к реальной ситуации».

Все еще молча, Учиха смотрел на него, а его глаза медленно становились больше, и больше, и больше. Он перевёл взгляд с Какузу, который даже не моргнул, на Хидана, и вслушался в текст песни с драматическими и трогательными, а иногда и вульгарными словами. Итачи и Кисаме поняли, что он намеренно немного изменил текст песни. Но ведь он не сделал ничего плохого, в принципе. Парень не использовал имя Какузу, не сказал ничего лишнего, и для людей, его не знавших, здесь не было никакого намёка, просто песня и дурачок на сцене, зачем-то изменивший слова.

«Должно быть на моей голове знак, который гласит, ооооо: «Оооо, люби меня мертвым!»

Итачи кашлянул и с тревогой повернулся к братьям, - «Хидан просто играет в очень, очень опасную игру», - махая рукой и поясняя, что это долгая история, но он обязательно её расскажет позже.

«Да, похоже на то», - Яхико вздохнул в ответ, - «Он постоянно проверяет пределы своей смертности...»

«Кто это?», - Нагато снова спросил, - «Почему, чёрт возьми, он хочет убить Хидана? Действительно, даже я чувствую, у него глаза настоящего убийцы ...»

«Доктор Хоку ... менеджер Хидана. Проще говоря».

«Музыкант, имеешь ввиду?»

«Нет. Он - его босс. Они работают вместе. Ещё он является своего рода "смотрящим", в отношении всего, что касается закона. Наставник? По-моему, они так его называли?», - Итачи говорил слишком быстро, неуклюже и не в духе Итачи, что немного раздражало Кисаме. Конечно, он, видимо, всё-таки неплохо напился.

«Это все еще не объясняет, что происходит сейчас ...»

«Ага. Похоже, он не будет тратить время, чтобы увести Хидана с глаз людей, чтобы выбить из него дурь, или чего он собирается сделать, с такими-то глазами...»

Итачи резко вздохнул, - «Я все объясню позже. Кисаме ... Я не знаю, стоит ли нам вмешиваться в это или нет».

О, слава богу, здравая мысль, - «Знаешь что, Итачи, поспешное отступление звучит чертовски стратегически».

«Какузу - лучший друг Кисаме», - Итачи объяснил, - «Какузу - это Доктор Хоку. Какузу Хоку».

Братья обменялись взглядами друг с другом.

«Как твой новый парень? Он знает обо мне? На тебе знак зверя. Тебя воспитывали волки! Ты прекрасен!»

Он снова начал петь припев, и в этот момент Какузу сделал шаг вперед, он шёл так спокойно, казалось, вовсе не собираясь никого убивать. Хидан всё время неотрывно смотрел на него, они смотрели только друг на друга, будто они были единственными существами во вселенной.

Какузу поднимается на сцену, останавливаясь в тени, недалеко от Хидана, все еще поющего. Кисаме, Итачи и братья Аме наблюдали за происходящим со всей сосредоточенностью, на какую только были способны эти четверо, и ногти Итачи в напряжении впивались в руку Хошигаки. Он даже не чувствовал этого, он был слишком занят, выбирая между двумя вариантами, которые у него были на данный момент, бежать или остаться.

«Любiiiiiiiiii меняяаяяя»

По-прежнему между ними не было слов, только немой разговор, между напряженным смертоносным взглядом Какузу и озорно-веселым Хидана.

«Дело в том, что жизнь не любит, когда в ней есть смысл ...»

Хидан сидел на диване, свет в его квартире был выключен, единственными звуками,

нарушавшими тишину, были звуки снаружи, и равномерное шуршание пожелтевших жалюзи. Свет уличного фонаря пробивался через них с улицы.

«Жизнь... это то, что будет пытаться убить вас при каждом удобном случае. И я говорю не о случайных обстоятельствах, я говорю не только о внезапной смерти. Она будет забирать из вас кусочки, слой за слоем, откалывая по одной крошечной песчинке за раз. Она сформирует вас и превратит в то, чем вы не осознавали, что становитесь. Вы будете видеть это в зеркале постоянно, пока не почувствуете, что у вас просто больше нет сил».

В руках у него была газета, вышедшая сегодня. Обычно он не покупал газет, но они доставлялись в клинику бесплатно. Какузу любил читать их, потому что он был мудр и практичен, и любил знать, что происходит в городе, даже если никогда об этом и не говорил. Большинство жителей города не заботились о нём, и он не собирался делать вид, что ему есть дело до них. Но сегодня Хидан остановился и схватил газету, краем глаза заметив знакомое имя. Он в спешке уронил её, и страницы разлетелись повсюду, и, собрав их обратно, он потратил весь обеденный перерыв, просматривая каждую статью, каждое объявление, пытаясь найти то, что мельком видел всего секунду назад.

«Жизнь такова, что ты не всегда умираешь, когда она убивает тебя... Не отставайте от меня, я уже не так молод, как вы, ребята, я больше не могу повторяться», - он эмоционально размахивал руками, произнося эту речь, и группа подростков нашла это забавным. Он усмехнулся им в ответ, пытаясь понять, что, чёрт возьми, он вообще делает и зачем.

Наконец он нашел это в некрологах. Маленькая квадратная рамка с фотографией и текстом, то, что он умудрился мельком заметить. И когда он перечитывал одну строчку снова и снова, неуверенный, какие же эмоции и чувства испытывать, потому что они сменялись одно за другим, он сжал кулаки, понимая, что что-то сломалось в нём.

«Асума Сарутоби, 46 лет, любимый муж и отец, к сожалению, сдался в борьбе с раком и мирно ушёл во сне».

«И это больно. Ты думаешь, это больно, когда твой лучший друг называет тебя шлюхой за твоей спиной? Ты думаешь, это больно, когда ты расстаешься со своим парнем? Не только телки, но и парни. Я, блядь, не знаю, что вас ранит, потому что все вы, наверное, придурки...», - Он замолчал на мгновение, когда люди снова коротко рассмеялись, прежде чем заметили, что его серьезное выражение лица не изменилось, - «Это ничто по сравнению с тем, когда жизнь убивает тебя, потому что это не внезапный разрыв, это просто самый последний виток веревки. Жизнь убивает тебя медленно и методично, и ты ни хрена не можешь с этим поделать, потому что не знаешь, ЧТО происходит, даже если думаешь, что знаешь - это не так. Бог слишком занят, чтобы иметь дело с вашими мелкими проблемками, так что даже не заморачивайтесь. Это всего лишь одна простая гребаная вещь, которая занимает целую вечность, чтобы понять, но когда вы поймёте, вы почувствуете себя самой тупой задницей...», - Подростки снова смеялись, но, значит, они по крайней мере слушали. Директор, казалось, думала, что всё в пределах разумного, она кивнула ему, когда он посмотрел на неё. И Какузу, стоявший с другой стороны, там, где Хидан мог его видеть, тоже очень внимательно слушал. Его лицо было

бесстрастным и спокойным, как и всегда, но теперь Хидан научился читать выражение его лица.

Потом он вернулся в свои старые апартаменты. Кто-то уже давно переехал в дом, который они с Итачи снимали, но это его нисколько не волновало. Он проскользнул мимо большого вечнозеленого растения на противоположной стороне здания и на цыпочках подошел к задней части, заглянул за угол здания, в дверь патио. Он увидел внутри эту суку, из-за которой его арестовали, она лежала на диване так, будто была мертва. Её глаза смотрели в потолок, каждый мускул был расслаблен и неподвижен. Если бы не почти незаметное дыхание, Хидан мог бы подумать, что она умерла. Ее ребенок сидел на ковре перед кофейным столиком, переключаясь между попытками вставить квадратную фигурку в круглое отверстие и просмотром телевизора. Асума оставался сильным, продержался целых два года, борясь с болезнью внутри него, которая превратила его из нормального, здорового человека в ходячий труп за несколько недель. Хидан не мог поверить, что он "мирно ушел во сне". Его жена была злобной стервой-гарпией, и он больше не мог на неё смотреть.

Он подумал, что, пожалуй, лучше взглянул бы на её труп.

«Да к чёрту это всё!», - крикнул он, опрокидывая кофейный столик у себя дома, - «К чёрту!», - он начинал истерично смеяться, разнося свою квартиру и бросая вещи в стены.

«К чёрту всё...», - сказал он, делая паузу, чтобы ухмыльнуться всем, кто смотрел на него с замешательством на их лицах.

«Просто ... нахуй всё», - сказал он небрежно, пожимая плечами и снова делая паузу, - «Вы все будете толковать это по-другому. Я не смогу вам это объяснить. Как я и сказал, вы всё поймёте сами однажды, так что... нахуй. Один мой друг сказал: «Следуй за своей стрелой». Она сейчас выразилась бы не так прилично, знаете, типа просто нааахуй всё. Если у вас есть идея. Сделайте это. К чёрту всё. Просто не веди себя как мудака. Ты видишь то, что хочешь, бери это. Просто не обращай внимание на других, делай, что хочешь, даже если придётся утопить кого-то в грязи. Забери это. Следуй за своей стрелой. Ты никогда не узнаешь, где ты хочешь быть, пока не окажешься там, не будешь знать пути. И самое главное, если ты не слушал до этого - блядь, будь внимателен прямо сейчас. Потому что вот оно. Твои проблемы - твоя чертова ошибка. Если ты обвиняешь других в своих проблемах - тебе лучше убить себя самому!»

Директор многозначительно прокашлялась, Хидан протянул руку в её сторону, - «Заткнись, сука, я здесь проповедую мудрость!», - снова послышался смех, директор мрачно смотрела в ответ, - «Это реальность. Глупые высказывания и вся эта херня - не более чем глупые высказывания, если вы не собираетесь их использовать. Это все, что я могу вам дать, ребята. Большинство из вас такие же засранцы, как и я. Ты уйдешь с мыслью: "этот мудака ничего обо мне не знает" - ну и идите нахуй, потому что мне все равно. Ты не хочешь слушать, но я говорю это по собственному опыту. Так что к чёрту все».

«Мне много раз говорили, что во мне есть нечто такое, что заставляет людей останавливаться

и смотреть на меня. И это одно из двух. "Он гребаный псих" или "он гребаный гений" - честно говоря, я думаю, что они не в своем уме, не нужно быть гением, чтобы понять. Но как бы то ни было, это моя сильная сторона. И я этим пользуюсь. Ни больше, ни меньше. Слушай или не слушай, потому что хрен с ним. Это твоя чертова жизнь, а я наконец-то понял свою. С меня хватит», - Он замолчал, скрестив руки на груди и вперив взгляд в прикованные к нему глаза. Он повернулся и посмотрел на Какузу, стоявшего молча и неподвижно, никак не реагируя на эту речь.

«Так что я собираюсь учиться».

«Что?»

«Да, учиться онлайн»

«Хидан, что ты ...»

«У меня возникла идея, что, ну, знаешь, я не могу больше сидеть на месте».

«...Идея?»

«Да. У меня всегда в голове была эта глупая идея, что я никогда не смогу сравниться с тобой. Я ходил к старому дому, когда узнал, что Асума умер. Я видел эту тупую суку и её несчастного ребёнка. И я понял, что этот придурок, которого я едва знал, оказал такое огромное влияние на мою жизнь! Но ужасно, что он должен был умереть, чтобы сделать это».

«Могу ли я, по крайней мере, спокойно разобраться с этим документом, а потом ты начнёшь свою болтовню? Переезд целой клиники в новое здание - не самое простое занятие».

«Да, да, Кузу, просто послушай секунду. Понимаешь, я понял это, и я осознал, что всё время просто пытался умереть, но не мог. Так что я не хочу больше страдать хернёй, пока не умру. К чёрту, Какузу. Я просто буду идти вперёд. В этом так много смысла, я чувствую себя идиотом».

«Я рад, что ты наконец дошёл до этого. А теперь закройся».

«... Ну ... и кстати ... в пятницу встреча одноклассников, я наконец увижусь с Итачи и Акулой, и я хотел бы, чтобы ты тоже пришёл, я буду петь».

«Всё, что заставит тебя заткнуться, Хидан».

Итачи завизжал, когда это случилось, чёрт побери этот алкоголь. Эти двое стояли, уставившись друг на друга, Хидан на сцене, а Какузу чуть в стороне. Тело Кисаме сильно напряглось, когда Хидан внезапно сдвинулся с места, и он закатил глаза и отвернулся, чтобы пойти за пуншем, только чтобы не смотреть.

Песня закончилась, музыканты перестали играть и тоже смотрели на них. Какузу на секунду замер, - «Какого чёрта ты собираешься- ...»

И в эту секунду Хидан рванулся вперед, запрыгивая на доктора. Кисаме поморщился, Итачи взвизгнул, братья Аме шокированно раскрыли рты. Казалось, вся толпа задохнулась, когда Хидан повис на Какузу, обхватил его ногами и поцеловал его со всей своей жадностью и безумием.

Мгновение длилось вечно, эти двое просто стояли, даже сам Какузу, казалось, был в такой растерянности, что не мог шевельнуться. Когда Хидан, наконец, отстранился, его глаза были дикими, возбужденными и вызывающими, он смотрел на каждого в этом зале по очереди.

«И что вы, блядь, с этим сделаете!?!», - зарычал он, снова целуя Какузу.

Он оглянулся на толпу подростков, а затем усмехнулся, - «Я выйду замуж за врача! Он вдвое старше меня и самый большой засранец, которого вы когда-либо встречали, но я собираюсь выйти за него. Потому что я этого хочу», - прокричал он, смеясь, - «Правда, он об этом не знает, но это случится. Потому что к чёрту всё! Просто хотел, чтобы вы знали! Следуйте за своей стрелой. К чёрту всё! Мне плевать, что вы будете делать, но это все, что я хотел сказать».

С этими словами он махнул рукой, и начал уходить за сцену, улыбаясь Какузу, который в ответ смотрел на него как-то обречённо.

«В этом не было необходимости», - сказал доктор, когда Хидан вплотную подошёл к нему и улыбался, будто сделал что-то крайне умное и гениальное.

«Пф», - он закатил розовые глаза, быстро и невесомо поцеловал того в нос и отошёл, - «Это было чёртово предложение, вот что это было, вредина».